

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Чечнёв Яков Дмитриевич

**УРБАНИЗМ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРОЗЫ К. К. ВАГИНОВА:
«ГАРПАГОНИАНА» КАК РОМАН О ГОРОДЕ ЭПОХИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Специальность 10.01.01 — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2022

Работа выполнена в Отделе рукописей Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук.

Научный руководитель: Московская Дарья Сергеевна — доктор филологических наук, заведующая Отделом рукописей ФГБУН Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук.

Официальные оппоненты:

Первый оппонент — д.ф.н. Захарова Виктория Трофимовна, профессор ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Мининский университет).

Второй оппонент — д.ф.н. Урюпин Игорь Сергеевич, профессор Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Защита состоится « 19 » __мая_ 2022 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета Д. 002.209.02 при ФГБУН Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук: <http://imli.ru>

Автореферат разослан «   » _____ 20 ____ г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

А. Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

При жизни Константин Константинович Вагинов (1899-1934) опубликовал три сборника стихотворений и три романа. Четвертый роман, «Гарпагониана» (1933), до советского читателя так и не дошел. После смерти Вагинова в 1934 г. от туберкулеза попытки издания его произведений предпринимались в 1960-е гг. М. Б. Мейлахом и Т. Л. Никольской, однако, как показали разыскания Д. С. Московской, шанс для появления первой публикации «Гарпагонианы» Конст. Вагинова на родине был упущен¹. Впервые с многочисленными ошибками роман был опубликован в 1983 году в Америке². В 1990-е г., когда политические и идеологические препоны исчезли и гуманитарная наука переживала то, что, по меткому слову Н. В. Корниенко, было названо архивной революцией, начался настоящий бум исследовательского интереса к наследию Вагинова. Сегодня можно уверенно говорить о существовании раздела литературоведения и истории литературы, посвященного творчеству и биографии Константина Вагинова.

Первыми исследователями и публикаторами творческого наследия Вагинова стали ленинградские-петербургские ученые, прежде всего, Т. Л. Никольская и В. И. Эрль, которым мы обязаны установлением реальной связи персонажей и локусов вагиновских романов с пространством Петрограда-Ленинграда 1920-1930-х гг.

Урбанистическая проблематика в прозаическом и поэтическом наследии Вагинова традиционно соотносится с «петербургским текстом» русской литературы — исследовательским конструктом В. Н. Топорова. «Петербургский текст», стилевые и фабульные клише которого подробно были прописаны этим выдающимся исследователем, его последователи продуктивно использовали при изучении «текстов» других местностей — городов и целых регионов. Труд В. Н. Топорова раскрыл мифопоэтическую основу «петербургского текста» русской литературы, чем внес значительный

¹ *Московская Д. С.* Из истории литературной политики XX века. «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 296-333.

² *Вагинов К. К.* Гарпагониана. — Ann Arbor: Ardis, 1983.

вклад в осмысление своеобразия литературного образа Северной столицы в компаративном аспекте.

Одним из своих предшественников В. Н. Топоров считал Н. П. Анциферова³, который первым в начале 1920-х гг. подошел к разработке методологии анализа урбанистических мотивов в литературных источниках. Труды ученого⁴, раскрыли средоформирующую и культурогенную роль историко-культурного ландшафта: его способность к продуцированию «легенд местности», ее «этиологического мифа» (местного исторического предания), которые формируют традицию художественного изображения данной местности, являясь сюжето- и стилеобразующим началом произведений, ей посвященных. Расширяя термин «реальный источник» литературного памятника, Анциферов в своих литературоведческих урбанистических штудиях вводил в историко-литературный комментарий природно-архитектурный ландшафт города, оказавший своеобразием своих форм влияние на воображение писателя. Социально-генетический и названный в диссертации Д. С. Московской локально-исторический⁵ методы, использовавшиеся Анциферовым в его урбанистических литературоведческих штудиях, имели целью установление литературно-художественной «судьбы» образа города и факторов, обусловивших появление новых черт в характеристике этого «нечеловеческого персонажа», обновляющих и обогащающих его ценностное содержание. Труды ученого, посвященные образу Петербурга, установили «повторяемость» одних и тех же черт в изображении города определенными эпохами. Анциферов указал на «известный ритм» в развитии образа города, определённый волнообразным процессом спадов и подъемов писательского внимания и симпатии к Северной столице. Для Анциферова историко-культурный

³ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб., 2003. С. 22, 24-25.

⁴ Знаменитая «петербургская трилогия», включающая книги «Душа Петербурга» (1922), «Петербург Достоевского» (1923), «Быль и миф Петербурга» (1924), и итоговая для литературной урбанографии диссертация «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций» (М.: ИМЛИ РАН, 2009).

⁵ Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг.: проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01. — Москва, 2011.

ландшафт был определяющим фактором, воздействующим на социальную психологию, а с ней и на литературно-художественное восприятие и отображение местности. Внимание к культурно-историческим изменениям в судьбе города позволило ему зафиксировать поворотные моменты в истории его литературного отражения и поставить эти различия в «русло определенного потока» — традиции восприятия данной местности.

Для нашей работы важен намеченный Анциферовым путь освоения такого сложного явления как петербургский хронотоп. Понятие хронотопа, впервые осмысленного и введенного в литературоведение близким знакомым и собеседником Вагинова и Н. П. Анциферова — М. М. Бахтиным, подчеркивает текучий, становящийся во времени образ конкретного локуса. Как и Анциферов, Бахтин видит в хронотопе средство и путь к постижению ценностного компонента образа местности, который ставится в связь не только с писательской индивидуальностью, но и со степенью постижения обществом своей истории. Анциферова и Бахтина роднит не только Петербург — место знакомства и нередких встреч двух ученых, но и методология гуманитарного знания, полагающего в центр исследования человека, данного через слова и действия как «бытие говорящее и поступающее».

Объектом диссертационного исследования становится последний роман Константина Вагинова «Гарпагониана», завершающий писательскую тетралогию («Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада»), посвященную Петербургу-Петрограду-Ленинграду.

Предмет исследования: Урбанистическая образность «Гарпагонианы» Константина Вагинова.

Актуальность избранной темы диссертационного исследования обусловлена все возрастающим интересом как отечественных, так и зарубежных литературоведов к наследию Константина Вагинова, общей недостаточной изученностью «Гарпагонианы», последнего неопубликованного романа писателя, с точки зрения его места в советской

литературе эпохи социалистической реконструкции, а также общей неизученности стиле- и сюжетообразующей роли образа Ленинграда в указанном романе.

Степень разработанности проблемы. В литературоведческой науке урбанистическая проблематика творчества Константина Вагинова до сих пор не изучалась с опорой на локально-исторический метод Н. П. Анциферова и с точки зрения актуального для 1929-1933-х гг. (период первой пятилетки) ценностного содержания образа социалистического Ленинграда. Творчество писателя воспринималось как завершение традиции «петербургского текста» русской литературы (об этом достаточно подробно писал В. Н. Топоров). Пунктирно урбанистическая проблематика прослежена С. А. Кибальником в цикле стихотворений Вагинова «Петербургские ночи» и ранних стихах в мифопоэтическом плане. Отдельные наблюдения по этой теме даны Т. Л. Никольской и В. И. Эрлем в обзорной статье «Жизнь и поэзия Константина Вагинова», где реальный Петербург-Петроград-Ленинград связан с воображаемым пространством данной местности.

Цель настоящей работы — проследить литературные традиции, которыми питался литературный урбанизм «Гарпагонианы» и установить специфические черты, присущие образу Ленинграда в этом романе, положившие начало новой традиции его изображения как традиции изображения имперского Петрополя в эпоху социалистической реконструкции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать истоки урбанизма «Гарпагонианы», для чего обратиться к поэзии Вагинова и трем предшествующим романам.
2. Проследить своеобразие урбанизма в поэзии и прозе писателя 1920-Х гг. до создания «Гарпагонианы».

3. Описать биографические и социально-политические обстоятельства создания «Гарпагоны», определившие авторское отношение к современности Ленинграда.

4. Описать урбанистическое своеобразие «Гарпагоны» как романа о городе социалистической реконструкции.

5. Выделить и описать типы персонажей, как художественных проекций психологии и физиологии города (в терминах Н. П. Анциферова) эпохи первой пятилетки.

6. Проследить связь выделенных типов персонажей с петербургской урбанистической традицией;

7. Обобщить основные тенденции развития образа Петербурга-Петрограда-Ленинграда у К. К. Вагинова от его поэзии к последнему роману «Гарпагоны» и соотнести эту динамику с традицией художественного изображения Петрополя в русской литературе.

Научная новизна состоит в том, что урбанизм романа «Гарпагоны», впервые рассмотренный с использованием локально-исторического метода, разработанного современником и учителем Вагинова, историком литературы Н. П. Анциферовым, впервые раскрывается как художественная проекция духовно-нравственного содержания первых итогов эпохи социалистической реконструкции.

Методологической основой настоящей работы является теория хронотопа Бахтина и локально-исторический метод Анциферова, которые позволяют последовательно рассмотреть две важнейшие составляющие урбанистического своеобразия прозы Вагинова: 1) оценка исторической судьбы локуса посредством ретроспекций с ярко выраженной ностальгической тональностью и 2) гибридность («мозаичность») персонажей, в основе образа которых лежат созданные русской классической литературой петербургские типы действующих лиц, к которым автор примешивает собранные им как краеведом черты, характерные для того или

иного периода развития Петрограда-Ленинграда (военный коммунизм, НЭП, период первой пятилетки).

Теоретическая значимость исследования состоит в опыте применения локально-исторического метода Н. П. Анциферова для исследования традиционности и новаторства урбанизма ленинградского романа Константина Вагинова «Гарпагониана», позволившего установить своеобразие нового направления в традиции изображения Северной столицы в русской литературе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что отдельные части работы могут быть использованы для составления комментариев к «Гарпагониане», использоваться в дальнейшем для применения методологии анализа урбанистической образности в других произведениях литературы 1920-1930-х гг., а также для составления экскурсий, путеводителей, интерактивных карт, графоведческих видео- и текстовых блогов. Результаты исследования могут быть использованы в педагогической работе при подготовке вузовских курсов по русской литературе XX века, теоретических курсов по литературоведению, а также на уроках, спецкурсах, элективных курсах в средней школе при изучении творчества советских прозаиков, при подготовке публичных лекций на различных площадках.

Положения, выносимые на защиту:

1) Вагинов принадлежит к типу писателя-урбаниста, в стихах и прозе которого природно-архитектурный ландшафт Петербурга является сюжетно- и стилеобразующим началом.

2) Своеобразие урбанизма Вагинова определяется парами персонажей-антиподов, созданных физическим и духовным пространством Петербурга-Ленинграда.

3) Новаторские черты образа города зарождаются и оформляются в поэзии Вагинова («племя эллинистов» — «большевистко-азиатские орды»), претерпевающие последовательную идейно-художественную трансформацию в каждом из четырех романов писателя, сохраняя исходный

социально-ценностный код «коренная петербургская интеллигенция» / «новые советские люди».

4) Образы коллекционеров / систематизаторов; пьяницы, бандита / молодящегося сновидца; безликой толпы (морда, рожа) / механических граждан, ведущих полупризрачное существование в романе «Гарпагониана», образуют пары антиподов, являющихся художественными ипостасями духовной сущности города периода социалистической реконструкции.

5) Своеобразие образа города в «Гарпагониане» наследует урбанизму Гоголя и Достоевского, «физиологиям» Крестовского и пролагает новую линию в двухсотлетней литературной традиции изображения Петрополя как социалистического Ленинграда.

Степень достоверности и апробация основных положений работы.

Основные положения диссертации были представлены на спецсеминарах для студентов и аспирантов (2016-2020 гг., Российский государственный гуманитарный университет, Институт мировой литературы РАН), на всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях. Основные положения и выводы опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, входящих в базы данных WoS, ВАК, РИНЦ.

Структура работы состоит из Введения, трех Глав, Заключения и Списка литературы (311 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** определяются объект и предмет исследования, обосновывается актуальность избранной темы, описывается степень ее разработанности и новизна, ставится цель, перечисляются задачи, теоретическая и практическая значимость, методология и методы исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, указывается степень достоверности и апробация результатов исследования.

В первой главе «Урбанизм лирики и романов Константина Вагинова до “Гарпагонианы”» рассмотрены истоки урбанизма последнего романа писателя.

В первом параграфе «Образ города в лирике Вагинова 1920-х гг.» проанализирована урбанистическая образность в стихах писателя. Показано, что за сиюминутными картинами разрушенных дворцов, казарм, государственных учреждений и т. п. лирическому герою открывается основа Петербурга — его геометрическая структура, отвечавшая рационалистическому духу Просвещения — эпохе, на которую пришелся расцвет классического города. В четкой планировке, прямых улицах, точно очерченных площадях проявился лик города, омраченный войнами и бедствиями, но сохранивший свой «строгий, стройный вид» (Пушкин).

Установлено, что ключом к пониманию урбанистического своеобразия поэзии Вагинова, сохраненного в его романной прозе, служит особое отношение писателя к коренным жителям города, которых он называет эллинистами, т. е. просветителями и хранителями своей культуры, образующими особое «петербургское племя», которому чужды «азиатские большевистские орды». В революционное «темное время» миссия эллинистов, по мысли поэта, заключается в том, чтобы через бедствия пронести петербургскую культуру, сохранить ее до нового возрождения. Для Вагинова эллинисты — своеобразные «камни», оставшиеся от того «пути», который усилиями Петра и волей России некогда вернул страну в родную ей европейскую семью народов.

В постреволюционной исторической ситуации «эллинисты», однако, будут всячески очерняться (превращаться, по словам одного из персонажей «Козлиной песни», «в чертей») новыми властителями города. Их писатель сравнивает с азиатскими ордами, а после, в той же «Козлиной песни», с провозвестниками новой религии, похожими на ранних христиан, т. е. воспринимает их как отходящих от заветов «эллинизма». По Вагинову, долг «эллинистов» принять любую личину, чтобы сохранить подлинную

петербургскую культуру до долгожданного момента ее возрождения. Эта идея определяет сюжетику «Козлиной песни», где ряд героев идет на сотрудничество с новой властью, а другие представители «племени эллинистов» замыкаются в «башне», всячески отгораживая себя от «постояльцев» (Заболоцкий) города.

Во **втором параграфе «Образ города в «Козлиной песни»** проанализированы урбанистические мотивы дебютного романа Вагинова. Показано, что писатель травестирует традиционный для Петербурга миф о демиурге, создавая Петру I двойника-антипода, второго «строителя чудотворного» — разрушителя Петрополя, Ленина (который назван в поэзии Вагинова «Магомед-Ульяном»). Возникновение Ленинграда разрушает надежду на возрождение Петербурга, поскольку с новым именем город обретает другую судьбу. Однако этиологическая легенда города сохраняет свою власть над Ленинградом. Мрачные стихии, некогда усмиренные Петром в Петербурге, заявляют о себе в Ленинграде. Актуализируется мотив «юного творения Петрова». Подобно тому, как в «Медном всаднике» безликие стихии грозно восставали против державного города, так и в «Козлиной песни» они, принимая антропоморфные черты (липкий гад, жаба, змеиная голова), грозят новому «парадизу» — Ленинграду.

Урбанизм «Козлиной песни» представил Петербург-Ленинград как преддверие преисподней, где происходит распад старых форм культурной имперской жизни и образа мыслей и чувствований, а также место, где прорастают невиданные семена новой цивилизации. Не только под влиянием новых обитателей города, но подчиняясь закону распада дореволюционной культуры, словно бы лишившись живительных соков, той пуповины, которая соединяла «эллинистов» с исторической миссией молодого Петрополя, они вырождаются, а в некоторых случаях кончают с собой. Вагинову удается изобразить «власть места» не только над духом, но и над самой жизнью человека. Перерождение Петербурга становится гибельным для петербургского племени.

В третьем параграфе «Город в „Трудах и днях Свистонова“» установлено, что действие второго романа разворачивается во время НЭПа. Главный герой, писатель Свистонов, продолжает линию «эллинистов», но «петербургское племя» в лице этого персонажа приобретает новые черты и свойства. Свистонова интересуют курьезы новой советской жизни, мир вокруг он воспринимает как кунсткамеру, а себя самого — как директора этой кунсткамеры. Свистонов — собиратель советских редкостей Ленинграда. Он переводит их в литературное поле, но делает это механически, из-за чего сконструированный им мир становится нежизнеспособным, искусственным, похожим на кукольный дом.

Во втором романе Вагинов наблюдает, как новый город, советский Ленинград эпохи НЭПа, трансформирует эллинистов и ту культуру, которую они призваны были хранить. Город, лишенный прошлого, создает роботизированных жителей, творящих бездушно (Свистонов), пытающихся формальными приемами лишить души и свободы своих героев. Однако протест Куку и Настеньки, их последующее бегство говорят о существовании духовных сил, способных уберечь живую человеческую и сохранить ее для будущего.

В четвертом параграфе «„Бамбочада“. Фантастический город» раскрываются урбанистические мотивы, заложенные в третьем романе писателя, продолжающем линию, намеченную в «Козлиной песни». Действие «Бамбочады» происходит на рубеже НЭПа и первой пятилетки. Показано, что персонажи романа, как и герои пушкинской маленькой трагедии «Пир во время чумы», отгораживают себя от мира и продолжают легкомысленно веселиться. Вагинов наблюдает судьбу эллинистов, ставших в советском Ленинграде гедонистами и авантюристами. По законам классической идиллии благополучие устроившихся эллинистов, этих новых «друзей человечества», «омрачают» воспоминания о трудностях жизни города и его пригородов в период военного коммунизма и раннего НЭПа. Вагиновские новые эллинисты — своего рода пародии на высокий демократизм передовой

дворянской интеллигенции, определившей на столетие ключевые свойства характера коренного петербуржца. Однако иллюзия беззаботного существования эллинистов разбивается о повседневную реальность. Смертельная болезнь возвращает главного героя, Евгения Фелинфлейна, из мира фантазии к трагической правде жизни. Мотив физической гибели тела впервые появляется в творчестве Вагинова именно в «Бамбочаде». Выродившийся представитель племени эллинистов, авантюрист Евгений — как и другие персонажи романов Вагинова — прежде всего ипостась больного тела и духа Петрополя.

Во второй главе «Образ города в „Гарпагониане“» показано, что Вагинов связывает образы своих героев с двухсотлетней традицией изображения насельников Петербурга как производных от его физической и духовной судьбы.

В первом параграфе «Социалистическая перестройка Ленинграда. Определение миссии города в литературе и периодике первой половины 1930-х гг.» намечены основные черты, присущие новому городу. Установлено, что к тому моменту, когда Вагинов приступил к написанию «Гарпагонианы», общим местом была трактовка Ленинграда как молодого города, стоящего в авангарде индустриализации, как гигантского города-завода, который, помимо производственных товаров занимается выковкой и перековкой большевистских кадров. В художественной литературе первой половины 1930-х гг. была предложена новая хронология истории Петрополя, где была вычеркнута преемственность Ленинграда с «Петра творением». Жизнь нового города с 1917 года отмечена двумя ключевыми символическими актами (штурм Зимнего дворца и защита Петрограда от белогвардейцев во главе с Юденичем). В обоих сюжетах ключевую роль играют новые силы истории — рабочие. Целенаправленно проводится мысль о том, что Ленинград — молодой город, но не потому, что родился он, в отличие от других крупных центров страны, всего 200 лет назад, но потому, что является колыбелью новой эры мира, где формировался новый

биологический тип «хомо сапиенса» — большевик. Особая роль в преобразенном городе отводится окраинам. Предполагалось, что эти еще необжитые пространства вскоре соединятся с Ленинградом электропроводами, ток которых оживит их. Город воспринимается как солнечное, несущее прогресс место, тогда как окраина — это нищета, свалка, пьянство, которые в скором времени будут ликвидированы.

Во втором параграфе «Творческая история „Гарпагонианы“» восстановлен творческий и социально-бытовой контекст, сопутствующий написанию последнего романа. Установлено, что Константин Вагинов был вовлечен в горьковский краеведческий проект «История фабрик и заводов», вел литературную студию на заводе электроламп «Светлана», собирал материал и редактировал совместно с коллегами-писателями книгу по истории Нарвской заставы «Четыре поколения». Увлеченная работа открыла писателю неизвестные стороны жизни Ленинграда. Соприкоснувшись с другой жизнью, Вагинов не мог не заметить произошедшие в Ленинграде изменения, в особенности речевой слом, специфику которого он активно начал изучать и фиксировать в записной книжке 1930-х гг. «Семечки». Динамику произошедшего языкового изменения можно определить как переход от «грубого слова» к блатному. Достигшая апофеоза к началу первой пятилетки борьба за новый языковой стандарт показала, что распад мировоззрений, жизненных укладов совершается в языке: здесь происходила «переоценка всех ценностей», что было замечено и художественно воспроизведено Вагиновым.

В третьем параграфе «Город в „Гарпагониане“» показано урбанистическое своеобразие последнего романа Вагинова. Писатель помогает почувствовать силовое поле психологического напряжения, которое появилось в годы социалистической реконструкции в Ленинграде между монументальным обликом исторического Петербурга и новой идеологией, направляющей его судьбу. Историческая часть города, хранящая его этиологическую легенду как зерно психологии коренного петербуржца,

оказалась в окружении индустриальных сооружений: в сердцевине города-завода находилось красноречивое в своем монументальном облики дворянское «семья». Несмотря на все усилия большевиков дискредитировать царскую власть, грандиозный памятник этого периода российской истории по-прежнему находился в «колыбели Октября». Даже структурно две части Ленинграда противоречили одна другой: центр представлялся стройным, строгим, регулярным, выверенным, тогда как периферия представляла собой беспорядочное сочетание новых зерен города — производственных предприятий и наспех возведенных домов. Четко и со вкусом оформленные архитектурные ансамбли бывшего Петербурга оказались в окружении куцых строго функциональных строений. Процесс срастания двух противоположных начал, двух частей города, сказывался на целостном его переживании фланерами «Гарпагонианы». Ленинград, звучащий и визуальный образ города, состоит из обломков различных культурных и социальных слоев, потерявших связь с былой целостностью.

Нами установлено, что в уличном ландшафте Ленинграда особое внимание Вагинова привлекают дома, взятые сами по себе, в отдельности как монады, образующие город. Дом обрисовывается как особенный мирок, живущий своей таинственной жизнью, влияющий, так или иначе, на судьбу своего обитателя. В «Гарпагониане» дома аккумулируют в себе разные стороны социальной жизни. Писатель тщательно подбирает в Ленинграде отдельные места, где могли бы обитать разные персонажи. В «Гарпагониане» — это два дома, контрастирующих друг с другом: «Зеленый дом» и новая «Вяземская лавра». Едва очерчивая общую панораму города, Вагинов, подобно Достоевскому, выстраивает фон, на котором резко выделяет эти объекты, что показывает их особую смысловую ценность в художественном пространстве романа.

Прототипом «Зеленого дома», места, где собираются эллинисты «Гарпагонианы», является реально существующий в Петербурге-Ленинграде и по сей день бывший доходный дом в стиле эклектики, построенный в 1882

г. по проекту М. И. фон Вилькена доктором В. Ф. Краевским на месте другого дома, принадлежавшего Л. А. Шландеру по Эртелеву переулку (современный адрес — улица Чехова, дом 3). Улица Чехова — это «литературная» улица, на ней жили известные деятели культуры своего времени. Что касается самого дома № 3, в котором Вагинов селит персонажа Торопуло, то он был одним из известных центров литературной жизни благодаря редакции «Нового журнала для всех», где бывали А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, К. Д. Бальмонт, М. А. Кузмин, В. В. Маяковский, С. А. Есенин и др.

Дом Краевского располагается на Литейной стороне, т. е. в одной из старейших частей города, неотделимой от трехвековой истории Петербурга. С главной ее улицей, Литейным проспектом («улицей интеллигенции»⁶), связаны детство и отрочество Вагинова: матери автора принадлежал доходный дом № 25, недалеко от которого находилась Гимназия и реальное училище Я. Г. Гуревича (Лиговский проспект, д. 1), где учился будущий писатель. Литейная сторона — малая родина Вагинова, возвращение к которой на излете жизни означает, что потеря с этим местом личной связи была очень многое значила для писателя. Вагинов возвращает на Литейную сторону своих героев, чтобы подчеркнуть их связь с двухсотлетней историей Петербурга, а не только с определенным временным промежутком — социалистической перестройкой Ленинграда.

Витиеватая архитектура «Зеленого дома» (дома В. Ф. Краевского) со статуями, балкончиками, пышной парадной на фоне окружающих его безликих домов соответствует характеру персонажей, посещавших квартиру Торопуло, таких же неординарных, странных, эксцентричных чудаков, фантазеров и мечтателей, которые неизвестно по какой причине не пролетаризировались и продолжали демонстративно не идти в ногу со временем, игнорировали кипящую жизнь бывших окраин Ленинграда, занимались своими «узкоцеховыми» делами. Вместе с тем архитектура

---

⁶ Исаченко В. Г., Питанин В. Н. Литейный проспект. — Л.: Лениздат, 1989. С. 4.

«Зеленого дома» противопоставлена и новым строениям периферии города. Вместо простых коробок из стекла и бетона в переулке Чехова красуется сложно устроенный объект, сочетающий в себе различные формы и стили, что характерно для эклектики, противостоящий упрощению и функционализму. «Зеленый дом» предстает в «Гарпагониане» как концентрат эпох, пронесшихся над Петербургом и освоенных этим городом после возвращения России в семью европейских народов. В себе одном дом Краевского сочетает все «витиеватости» и все «дикие фантазии», которые когда-либо связывались с бывшей северной столицей. «Зеленый дом» — это символ души города, петербургского урбанистического хронотопа, нанизывающего на себя культурные слои сменяющихся эпох.

В художественном мире «Гарпагонианы» «Зеленый дом» противостоит безликой архитектуре, которая в художественной системе последнего романа Вагинова соотносима с неукорененностью, варварством, пришедшим в бывшую столицу вместе с большевиками. «Дома без архитектуры»⁷, как известно, занимали внимание Достоевского, соотносились им, как показал Анциферов, с бесстильностью, возможностью всего и со вседозволенностью. Подобные особые места Петербурга Вагинов находит и в Ленинграде. В них души героев подвержены крайнему напряжению, их разъедает тлетворная атмосфера предельной «униженности и оскорбленности». В «Гарпагониане» — это традиционный для Петербурга трущобный дом, похожий на Вяземскую лавру, где обитает с сонмом других «темных душ» пьяница Анфертьев, сын итальянской певицы и присяжного поверенного, собиравшийся быть учителем. Вяземская лавра — это ироничное название⁸ тринадцати доходных домов на Сенной площади, которые вплоть до 1960-х гг. пользовались дурной славой. Вяземская лавра — это и знаковый для традиции петербургской образности и сюжетики литературный топос, связанный с именами городских «физиологов», Достоевским, Свешниковым,

⁷ Т. е. без декоративных деталей.

⁸ Лавра — мужской монастырь высшего разряда, а на Сенной располагались публичные дома, где также «обслуживали» по «высшему разряду».

Григоровичем, Вс. Крестовским. Автономное бытие «вяземских лавр» в теле социалистического Ленинграда говорит о том, что «лавра» — традиционное для петербургской топики место. Ее появление подобно нарыву на урбанистическом теле, что свидетельствует о глубинном неблагополучии, чреватом, как и у Достоевского, будущей болезнью и гибелью города.

В третьей главе «„Униженные и оскорбленные“ первой пятилетки (типы персонажей в „Гарпагониане“»)» проанализированы основные типажи героев последнего романа Вагинова, которые являются художественными ипостасями духовной сущности города периода социалистической реконструкции. Писатель последователен в своем желании изобразить новое состояние эллинистов. Мы видим предельно опустившихся людей. Но в них есть нечто, что сохраняет отпечаток еще живой души — их индивидуальность. Фантастически изменившиеся представители петербургского племени тем не менее не превратились в безликую толпу, которую рассказчик Вагинова характеризует ироничным четверостишием: «Вот идут опять / Вот идут смотри / Морда номер пять. / Рожа номер три»⁹. Уродства и «примятости» бывшего «петербургского племени» — травестирированный образ души Петербурга, еще живой, неповторимо своеобразной, но больной.

В первом параграфе «Двойники» показано, каким образом Вагинов трансформирует традиционный для петербургского периода русской литературы мотив двойничества. Важную роль в этом играет писательская интуиция о способности петербургской этиологической легенды, запечатленной в монументальном облике города, создавать новые вариации старых типажей. Знаменательно, что именно в центральной части Ленинграда живут герои «Гарпагонианы» и только там они встречают традиционных для петербургской топики антагонистов. История убийства Анфертьевым Локонова после умопомешательства является иллюстрацией типичной развязки сюжета о двойниках. Но Вагинов травестирует сюжет.

⁹ Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / Вступ. статья Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. — М.: Современник, 1991. С. 387.

Двойник предстает не как враг, а как «страшный» помощник, насильственным образом прекращающий страдания своего «отражения». Удавленному Локонову как раз представился «трудный случай» избавления от страданий, когда в желании прекратить свое бессмысленное существование в советской действительности, преодолеть собственную «вписанность» в эпоху, он прибегнул к «темной силе» своего двойника. Двойник, как неизжитый новым городом представитель петербургской топики, живет и в социалистическом Ленинграде. На него ложится такое же традиционное бремя преступления. Убийство становится единственным выходом из бессмысленного существования «мечтателя» Локонова, привязанного, как он сам думает, к определенной исторической эпохе.

Во **втором параграфе «Бандит»** анализируется другой традиционный насельник Петербурга — преступник, который в Ленинграде приобретает новые черты. Для дореволюционной литературы характерен мотив неизбежной кары Петербурга, вариантом которого является наводнение, наиболее известным из которых является наводнение из «Медного всадника» Пушкина. В «Гарпагониане» Вагинов обыгрывает этот мотив: вместо водной стихии Ленинград «заливает» стихия преступная, извратившая образ мыслей Анфертьева, толкнувшая его на убийство. Над Ленинградом, как некогда над Петербургом тяготеет проклятье. Бандит Мировой и персонажи, подобные ему, составляют «кровь» загробного царства Ленинграда периода социалистической реконструкции, в которое спустились герои Вагинова. Они способствуют «разъеданию» системы моральных координат «петербургского племени»

В **третьем параграфе «Пьяница»** исследуется еще один традиционный герой Петербурга — пьяница, образ которого в социалистическом Ленинграде Вагинов связывает с темой преступления, характерной для петербургской топики, и насыщает его художественными реминисценциями. Анфертьев отличается от карикатурных образов пьяниц советской литературы 1920-х гг., рассчитанной в основном на борьбу с этим недугом в

рамках антиалкогольной кампании. Его генеалогия уходит корнями к обитателям «вяземских лавр» и трущоб петербургского периода российской истории. Появление этого персонажа в социалистическом Ленинграде свидетельствует о глубинных противоречиях между картиной жизни, которую рисует пропаганда, и тем, каких «гомункулов» рождает власть в бывшей Северной столице. У Достоевского алкоголик Мармеладов не обладал губительной волей, это был жалкий пьяница, развращенный вином. У Вагинова Анфертьев проходит через огонь и медные трубы унижений и, будучи бывшим представителем привилегированных классов, «перековывается» под молотом обрушившихся на него страданий. Униженный и оскорбленный, он не отчаивается и всеми силами цепляется за жизнь и, наполненный цинизмом, распространяет свои «теоретические миазмы»¹⁰, подпитанные прямоотой и откровенностью ленинградского дна, среди бывших петербуржцев, разлагая их и без того хрупкий мир. Тема преступления, с которой связан пьяница Вагинова, решается в «Гарпагониане» через мотив умопомешательства, которое вызвано алкоголизмом Анфертьева и связано с традиционным для петербургской литературы мотивом пережитого личного унижения.

В преступлении проявляется сила «перековавшейся» темной стихии Петербурга, которая в социалистическом Ленинграде чувствует себя как дома и рыщет в поисках безвинных жертв по улицам города в лице воров и бандитов. Совершенное Анфертьевым убийство не приводит к покаянию, поскольку совершено оно в криминальном по своей новой природе городе, где затравленные души не надеются на прощение, а рассчитывают только сами на себя.

В четвертом параграфе «Коллекционеры и систематизаторы» внимание уделяется персонажам, которые пытаются противостоять хаосу разбушевавшейся темной стихии «вяземских лавр». Коллекционеры

---

¹⁰ «Доблесть для меня — звук пустой. Любовь — голая физиология. Детишки — тонкий расчет увековечить себя. Государство — система насилия. Деньги — миф» (Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / Вступ. статья Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. — М.: Современник, 1991. С. 440).

Вагинова отстаивают ценность каждого городского предмета и объекта ввиду их неповторимости, причудливости, штучности. Для них любая вещь передает дух времени, если ее правильно объяснить. С этой целью герои Вагинова создают «Общество по собиранию мелочей», чтобы изучать мелкие вещи городской повседневности и через них объяснять «психологию» масс. Члены этого сообщества, как Торопуло, Пуншевич, действуют как краеведы.

Им противостоят систематизаторы, обнаженные функции, мольеровские Гарпагоны-жадины, не понимающие истинного предназначения коллекционера — сохранять жемчужины, выдающиеся образцы культуры. Систематизаторы Ленинграда воспринимают город как «Северный Эльдорадо», Геркуланум и Помпею. Они, как некогда первооткрыватели погибших итальянских городов, «раскапывают» исторический центр бывшего Петербурга в поисках уникальных вещей и вещиц, которые были частью бытовой петербургской повседневности. Хищническое вмешательство в тело упокоенного Петербурга, варварское выкачивание из него ресурсов походило на охоту за «антиками», затеянную военным инженером Р.-Х. Алькубьерре в 1750-х гг. в Помпеях. Заполненный «старым хламом» Ленинград стал походить на «сокровищницу», в которой настоящие разбойники орудовали в поисках наживы.

Систематизаторы, вроде Жулонбина, только утоляют жажду накопительства, чем разрушают и без того истончившийся слой материальной культуры Петербурга, «раскапывая» квартирki бедных «стариков и старушек». В погоне за систематизацией окружающих вещей они убивают «дух» дореволюционного города. Подобно тому, как в Аду Данте души переживают одну и ту же сцену убийства, измены, обмана и т. п., систематизаторы занимаются однообразным и бессмысленным занятием собирания «праха повседневности», сиюминутных вещей, потерявших свое функциональное значение. Вместе с тем из-за масштаба систематизаторской активности, постоянной купли-продажи, этот самый «дух» Петербурга становился, при смешении на улице с Ленинградом, зловонным миазмом

разложившегося трупа, внутренности которого — мебель, одежда, обиходные вещи, предметы туалета, книги и т. п. — ежедневно демонстрировались на рынках и толкучках.

В пятом параграфе «Сновидец» подробно рассматривается традиционный тип петербургского мечтателя, который причудливо преломляется в Ленинграде. В «Гарпагониане» Вагинов в гротескной манере трактует образ современного ему сновидца: это герой, лишенный способности видеть сны из-за внутреннего разлада с эпохой. Для такого персонажа сновидения превращаются в литературный материал, записанные истории, функция которых заключается в том, чтобы дать «необходимые впечатления». Посредством записанных снов он желает омолодить свою душу, спастись от неразделенной любви к юной особе, избавиться от фобии старости. Таким персонажем в романе выступает Локонов. Этот герой также, по-видимому, является ответной репликой Вагинова на роман «Время плюс время» писателя М. Э. Козакова, вышедший в «Звезде» в 1932 году (№№ 8, 9, 10/11).

Сновидения в «Гарпагониане» становятся новым невиданным предметом коллекции. Собирая сны, Локонов создает «онейрическую» картину первой пятилетки со всеми страхами, ужасами, эротическими переживаниями, размышлениями о судьбе и смерти. Собранный персонажем сонник эпохи свидетельствует не столько о многоплановости психологической жизни, сколько о подавленных психологических энергиях. Если сон стал товаром, то в нем могут нуждаться многие из жителей как Ленинграда, так и всей страны, где сны из области приватного переходят в область общественного: их можно купить, продать или украсть. А раз возможны подобного рода операции, то велик шанс присвоения чужой индивидуальности посредством выгодной сделки. Таким образом нивелируется субъективность сновидения, его причудливо гротескная индивидуальная история становится доступной любому читателю. Сон перестает быть тайником души: переходя в публичную сферу посредством

купли-продажи он может быть подвергнут интерпретации, не всегда выгодной для советского сновидца 1930-х гг.

В **шестом параграфе «Молодящийся»** продолжается рассмотрение типа петербургского мечтателя, но уже через призму актуального для периода первой пятилетки вопроса «второго рождения». Локонов, несмотря на свой разлад с эпохой, предпринимает попытку «воскрешения социальности» через возвращение молодости, что в итоге оканчивается трагически: он не только не достигает положительного результата, но и погибает от случайного стечения обстоятельств. Предельная униженность персонажа, мучительное ощущение своей вписанности в определенный социальный контекст определенной исторической эпохи, психологические барьеры (история с Юленькой) и расстройства (утрата способности видеть сны) и следующая за этим сексуальная фригидность (Локонов не может ни обнять героиню, ни поцеловать ее) — характеристики еще одного нового типа городского жителя, который из юноши угодил в старики. Для него молодость является недостижимой, поскольку разлад с самим собой и с эпохой вызван внутренней опустошенностью Локонова, который хотел, но не смог «прикрепиться к реальной жизни», так как его не интересуют ни деньги, ни служебное положение, ни удобства, ни слава, ни прошлое, ни настоящее.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Проведенный в настоящей работе анализ урбанистической образности в романе Константина Вагинова «Гарпагониана» позволил установить связь между сюжетом, персонажами романов автора с изменениями исторического облика и социально-политической миссии Петербурга-Петрограда-Ленинграда после пролетарской революции. Вагинов — наследник характерно петербургской историософии, через монументальный облик классического Петербурга, через декоративно-мифологический и просветительский классицизм Ломоносова, Державина, Пушкина устанавливающий концептуальное содержание феномена петербургской культуры как полноправной наследницы синтетического «эллинизма» —

наследования художественной культуры и знания античности, преломленного в другие исторические эпохи.

Истоки урбанизма «Гарпагонианы» лежат в поэзии и прозе Вагинова. Введенный писателем в повествование природно-архитектурный ландшафт изображаемой местности является сюжетно- и стилеобразующим началом его лирики и прозы. Образ города, зарожденный и сформировавшийся в поэзии, претерпевает от романа к роману трансформацию. От художественных типажей, наделенных аурой надежды на сохранение и возрождение дореволюционной культуры, писатель переходит к обрисовке изуродованного внешнего и внутреннего облика обитателей Ленинграда.

В начале 1930-х гг. стало очевидно, что дореволюционная парадигма канула в Лету, распад мировоззрений, жизненных укладов совершился окончательно, а с ним ушло в небытие и очарование Вагинова зрелищем гибели прежней культуры, о которой он упоминал в ответе на критику С. Малахова, переросшее в тревожное наблюдение за ходом «болезни» культуры нового города — Ленинграда. Роман «Гарпагониана» подводит итог художественному исследованию судьбы Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Революция исчерпала утопическую идею города, состоявшую в мечте о победе над темным наследием азиатчины, о свободном творчестве, способном преодолеть косность природы и укротить дикость нравов, о рукотворном городе-парадизе, явление которого на русской земле обогатит мировую культуру своей уникальной творческой индивидуальностью, представит ее полноправной наследницей эллинизма.

Вагинов замечает черты Петербурга Некрасова, Достоевского, Крестовского в пространстве социалистического Ленинграда: души «маленьких людей» находятся в невыносимом страдании, «кипят» и «надеются». Персонажи писателя — это не осколки прошлого, «вышибленные» из колеи представители «умирающих эксплуататорских классов» (Сталин), они — нечто, что было всегда присуще городу — «униженные и оскорбленные», существовавшие на всем протяжении истории

Петербурга, переименование которого не решило его «вечных» проблем, зияние коих замечает Вагинов. Для советского строя Ленинград был городом воплощенной утопии, который стал проводником новых социалистических идей не только в России, но и в мире. Но в этом месте за ширмой внешних производственных достижений Вагинову открылась горькая правда о том, что в «граде обретенном» не удалось избавиться от страшного социального и душевного одиночества всех без исключения участников строительства социалистического будущего. Мечты об утопическом пролетарском социалистическом городе разбились о новое социальное неравенство, которое писатель увидел в физическом пространстве города. «Петербургский период» русской истории еще не был пройден Ленинградом.

Ипостасями духовной сущности Ленинграда выступают выведенные писателем образы пьяницы, бандита, молодящегося сновидца, безликой толпы (морда, рожа), механических граждан, ведущих полупризрачное существование, которые, с одной стороны, связаны с традицией, с другой — являются ее продолжением на новом историческом витке. Писатель творчески переосмысляет характерную для петербургской топики тему взаимодействия власти и отдельной личности. В традиции «физиологий», типичных для натуральной школы, Вагинов обрисовывает «половинчатое» положение «бывших» людей и указывает на социально-политические причины бедственного положения своих героев. Всею виной созданная большевиками государственность, обратную сторону которой Вагинов рисует в «Гарпагониане», создавая фреску мытарств и страданий прежних жителей Петербурга.

Перспективным видится более детальная проработка литературно-художественного контекста эпохи на предмет аналогичных или противоположных «Гарпагониане» текстов, повествующих о судьбе Ленинграда периода социалистической реконструкции.

**Основные положения диссертации отражены в
следующих публикациях:**

**Статьи в рецензируемых научных журналах,
входящих в перечень ВАК РФ**

1. Чечнёв Я. Д. Город-террариум Константина Вагинова: трансформация гения места Петербурга перед началом первой пятилетки // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 192-200.
2. Чечнёв Я. Д. Вагинов и античность: эллин Филострат в условиях становления нового быта // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 79-88. DOI 10.17223/18137083/63/7
3. Чечнёв Я. Д. К постановке проблемы «вечного возвращения» в творчестве Константина Вагинова // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 177-191. DOI 10.24411/2072-9316-2018-00025
4. Чечнёв Я. Д. О снах нового типа в романе К. К. Вагинова «Гарпагониана» // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 282-294. DOI 10.24411/2072-9316-2019-00107
5. Чечнёв Я. Д. «Мгновенный старик» в романе Константина Вагинова «Гарпагониана» // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 109-118. DOI 10.17223/18137083/74/8

Публикации в других изданиях:

6. Чечнёв Я. Д. «Поэма квадратов» Константина Вагинова: диалог с А. С. Пушкиным // Научные труды молодых ученых-филологов. Научный редактор Минералова И. Г. — М., 2015. С. 85-90. (РИНЦ)
7. Чечнёв Я. Д. Константин Вагинов: война глазами молодого человека (на материале сборника стихотворений «Путешествие в хаос») // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: к 70-летию победы в великой отечественной войне: материалы XX Шешуковских чтений / под ред. Л. А. Трубиной. — М.: МПГУ, 2015. С. 284-289. (РИНЦ)

8. Чечнёв Я. Д. Польша как маркер экзистенциальных переживаний поколения революционных катаклизмов (по лирике Константина Вагинова) // Аксиология славянской культуры: международный сборник научных статей молодых ученых, аспирантов и студентов. — Нижний Новгород, 2015. С. 137-140. (РИНЦ)

9. Чечнёв Я. Д. Образы нового завета в раннем творчестве Константина Вагинова // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. — М.: Индрик, 2018 (серия «Вечные сюжеты и образы». Вып. 4). С. 502-511. (РИНЦ)